

РАССЕКРЕЩЕНО
СОВ. СЕКРЕТНО
Эта копия уничтожается

Шифр телеграмма

Метку	Мжаванадзе	Параджину
Бредневу	Щербицкому	Копия
Воронову	Лемичеву	ГО-отдел
Кириленко	Ильичеву	Отдел печати
Козлову	Донюмареву	В дело
Косыгину	Шелестину	
Куусинену	Громце	
Микояну	Малиновскому	
Полгорному	Кузнецову	
Полянскому	Малику	
Суслову	Орлову	
Хрущеву	Пушкину	
Хрущеву	Семенову	
Швернику	Сободеву	
Тришину	Гирюбину	
Рашилову	Подперобу	
Мазурову	Смирновскому	

Г А В А Н И 51019 10 30 8 XI 62

51028 51022 51025 51021 51020
51029 51036 51059 51060 51072
51078 51109 51101

Спец.КМ 1762-1775

ВНЕ ОЧЕРЕДИ

ЦК КПСС.

Мне кажется, что теперь уже можно подвести некоторые итоги состоявшихся здесь бесед. В связи с этим хочу привести некоторые характерные моменты.

За несколько часов до моего прибытия в Гавану у кубинского руководства было решено, что встречать на аэродроме меня из числа руководителей будут двое: Гевара и Рауль Кастро. Однако, за два часа до моего прилета, по получении текста моего заявления на аэродроме в Нью-Йорке в поддержку Кубы, их намерения изменились и на аэро-

Телеграмма подается аппарату в 10-й пульт МГД СССР

роме меня тепло и по-братски встречало все руководство во главе с Фиделем Кастро, кроме президента. Все они прибыли со мной в резиденцию, минут 15 побеседовали.

На первой беседе Фидель принял меня на личной квартире. Он вышел навстречу на улицу, встречал меня перед домом, где остановилась машина и проводил на верхний этаж. Вы получили его высказывания, которые он сделал в спокойном дружеском тоне, но по существу чувствовалось острое недовольство нашей политикой.

Следующая, вторая встреча состоялась в президентском дворце. Все 6 руководителей участвовали в беседе. Каждый раз встречали меня в коридорах дворца и вели в комнату, где проходили беседы, и по окончании все они выходили со мной до машины и прощались тепло. Всюду я встречал теплое отношение.

Во время беседы вели себя спокойно, слушали внимательно, когда я в течение нескольких часов пункт за пунктом, приводя все возможные аргументы, пытался рассеять их сомнения, доказывая правильность нашей политики. Все они слушали с большим вниманием и записывали. У меня создалось впечатление, что я говорю для них убедительно, кроме двух моментов, о чем Фидель Кастро в ходе беседы задавал мне вопросы, выражая свою неудовлетворенность и свою тревогу.

1/ Американское радио и пресса распространяли сообщения о том, что якобы в конфиденциальном письме Хрущева к Кеннеди от 26 октября есть такое место, которое нельзя опубликовать.

Это, видимо, вызвало у них какие-то подозрения.

Фидель опросил, нет ли другого послания Хрущева, кроме переданного ему. И сказал, что нет. Фидель сказал:

"Откуда же Кеннеди в своем ответе от 27 октября на послание Хрущева от 26 октября уже говорит о советском предложении о демонтаже и прочее, хотя в конфиденциальном послании Хрущева от 26 октября прямо этого не было сказано". Видимо он подозревает, что есть другое, спрятанное от него, послание Хрущева или какая-то часть из послания от 26 октября ему не сообщена.

И разъяснил, что Кеннеди в своем ответе от 27 октября формально отвечал как будто только на конфиденциальное послание от 26 числа, фактически же он отвечал как на это, так и, главным образом, на послание Хрущева от 27 числа, открыто переданное по радио, хотя в послании Кеннеди прямой ссылки не было. Сказал, что все послания Хрущева к Кеннеди и все, что получено от него конфиденциально, было передано Фиделю. Я участник всех заседаний, знаю хорошо, но если Вы хотите, чтобы я проверил, то я проверю все документы, которые находятся у меня с собой, и завтра допущу свою информацию.

Мы тщательно проверили все. После этого я сказал, что, действительно, есть одно послание Кеннеди, которое, как теперь выяснилось, не попало Фиделю, но оно не имеет какого-нибудь серьезного значения. Это его конфиденциальное послание от 25 октября в ответ на конфиденциальное обращение Хрущева от 23-го, текст которого у него имеется. В

этом послании он, Кеннеди, продолжает настаивать на том, что советские люди, якобы, османули американцев, тайком доставив ракетное оружие на Кубу. Мы зачитали текст этого короткого послания.

Все эти разъяснения их убедили и после этого сразу же выступил Фидель, видно было, что он удовлетворен этим и этот вопрос у него отпал.

2/ Я сказал далее: у нас была своя информация о том, что вот-вот американцы совершат нападение на Кубу и мы получили телеграмму Фиделя Кастро с такой же информацией из других источников, что в течение ближайших суток ожидается нападение. Тогда мы решили, связать руки Кеннеди перед мировым общественным мнением, сорвать нападение на Кубу. И т. Хрущев 28 октября сделал опубликованное по радио открытое заявление о том, что дано указание о демонтаже и вывозе ракет. Конечно в нормальных условиях наш проект этого послания Хрущева был бы согласован с кубинскими друзьями, но это потребовало бы зашифрования, расшифрования, перевода и то же самое в отношении ответа. Все это заняло бы столько времени, что нормальная консультация не успела бы закончиться, нападение на Кубу было бы совершено и Куба могла бы погибнуть.

Нам не оставалось ничего другого, как решать главную задачу - предотвратить нападение на Кубу, полагая, что кубинские друзья поймут правильность таких действий, хотя и не была соблюдена вся нормальная процедура согласования.

Речь шла о 24 часах, оставшихся до нападения на

Кубу. Нужно учесть, что у нас оставались считанные часы, нам нельзя было действовать иначе, чем мы действовали. И результаты есть: нападение на Кубу предотвращено, мир сохранен. Хотя вы и правы, в том, что в отношении процедуры консультации не соблюдено все, что возможно в нормальных условиях.

Это как будто тоже дошло до них и они поняли. Когда я закончил полностью все эти разъяснения, Фидель со своей стороны ответил и дал оценку всему, осуждению прошлого и анализ его в следующих словах:

"Мне хотелось бы ответить товарищу Миколу.

Мы с огромным вниманием выслушали сообщение и разъяснен; товарища Микояна. Несомненно, все эти об"яснения, которые помогают нам лучше понять ход событий, были очень ценными. Мы благодарим за желание раз"яснить нам все эти положения, за все усилия, приложенные в этом плане. У нас также не вызывает никакого сомнения аргументы о том, что стратегические ракеты после их обнаружения врагом практически теряют всякое военное значение, или их значения становятся чрезвычайно малым.

Мы благодарим за все эти об"яснения и понимаем, что намерения Советского правительства нельзя расценивать лишь на основании анализа последних событий, тем более, что обстановка быстро меняется, складываются новые ситуации. При анализе необходимо принимать во внимание всю совокупность принятых решений, на основе которых на Кубу было доставлено стратегическое оружие и было подписано соглашение. Это соглашение предполагалось опубликовать после завершения

монтажа стратегических ракет и после выборов в США.

Эти решения — свидетельство твердой решимости Советского Союза защитить Кубу. Они позволяют правильно понимать политическую линию Советского Союза. Поэтому я повторяю, что анализ позиции СССР может быть правильным только при учете всех событий и решений как в период, предшествующий кризису, так и во время кризиса.

Мы не сомневаемся, что если бы все работы по монтажу стратегического оружия были завершены в условиях секретности, то, таким образом, мы получили бы сильное средство одерживания против американских планов нападения на нашу страну. Таким образом были бы достигнуты цели, которые преследовали как Советское правительство, так и правительство Республики Куба. Мы считаем, однако, что размещение советских ракет на Кубе имело значение для интересов всего социалистического лагеря. Даже если не считать это размещение преимуществом военного типа, оно имело значение политическое и психологическое в борьбе за сдерживание империализма и недопущение осуществления его агрессивных планов. Таким образом, размещение стратегических ракет на Кубе было осуществлено не только в интересах защиты Кубы, но и всего социалистического лагеря. Это было сделано с нашего полного согласия.

Мы хорошо поняли значение этого шага и считаем, что это был правильный шаг.

Мы вполне согласны и с тем, что нельзя допустить развязывания войны. Мы не выступаем против того, что принимавшиеся меры преследовали две цели, а именно — не до-

пустить нападения на Кубу и избежать развязывания мировой войны. С этими целями, которые преследовал Советский Союз, мы вполне согласны.

Недопонимание возникло в связи с формой обсуждения данного вопроса. Однако нам понятно, что обстоятельства требовали срочных действий и обстановка не была нормальной. Оценивая прошлые события, мы приходим к выводу, что можно было бы провести обсуждение этих острых вопросов в иной форме. Вот, например, вопрос, который мы здесь обсуждали. Он касается влияния моего письма на принятие Советским правительством решения и опубликование письма Советского правительства от 28 октября. Правда, мое письмо не имело отношения к вопросам, затронутым в посланиях от 26 и 27 октября, которыми обменялись Советское правительство и правительство США. Такое письмо преследовало одну цель — информировать Советское правительство о неизбежности нападения на Кубу. В нем не говорилось ни о малейших колебаниях с нашей стороны, мы четко заявили о своей решимости бороться. Кроме того, мы не говорили, что ожидаем вторжения. Мы писали, что оно, хотя и возможно, но менее вероятно. Более вероятной, по нашему мнению, была атака с воздуха с единственной целью уничтожить стратегическое оружие на Кубе. Основа решения Советского правительства от 28 октября уже выражена в послании к Кеннеди, датированном 26 октября, и четко проявилась в письме Н.С. Хрущева от 27 октября к Кеннеди. В этих двух документах неличествуется реальная база решения, о котором было сообщено в письме от 28 октября. Так письмо Кеннеди

от 27 октября означало принятие предложения Н.С. Хрущева от 26 октября о том, что он согласен эвакуировать с Кубы не только стратегическое оружие, но и все оружие, если США перестанут угрожать Кубе нападением. Ведь угроза со стороны США была единственной причиной, которая заставила Кубу вооружаться. Когда Кеннеди принял это предложение /мы не знали о том, что он его принимает/, сложились условия для развития советских предложений и подготовки декларации относительно договоренности сторон. Можно было бы оказать США, что СССР готов демонтировать оборудование, но хочет обсудить это с кубинским правительством. По нашему мнению, таким должно было бы быть решение вопроса, вместо того, чтобы давать сразу указания об эвакуации стратегического оружия. Такой путь позволил бы ослабить международную напряженность и дал бы возможность обсуждать с американцами вопрос в более благоприятных условиях. Таким путем можно было бы не только добиться уменьшения международной напряженности и обсуждать этот вопрос в лучших условиях, но и добиться подписания декларации.

Однако это только простой анализ предшествующих событий, который уже не имеет особенного значения в настоящее время.

Теперь для нас важно знать, что делать в новых условиях. Как мы будем добиваться достижения наших основных целей и одновременно не допускать развязывания агрессии и бороться за сохранение мира. Конечно, если со временем нам удастся обеспечить действительно прочный мир, то в свете новых фактов мы сможем лучше и правильнее оценить значение

оделанных шагов. Результаты нашей борьбы в дальнейшем сами скажут о значении событий сегодняшнего дня. Конечно очень многое в этой борьбе зависит именно от нас.

Мы очень благодарны за все раз'яснения, которые нам дал товарищ Микоян, за те усилия, которые он приложил для того, чтобы мы поняли ход последних событий. Мы принимаем во внимание особые условия, в которых пришлось действовать. У нас нет сомнений в дружеском характере наших отношений, основанных на общих принципах. Наше уважение к Советскому Союзу неизменно. Мы знаем, что он уважает наш суверенитет и готов защищать нас от агрессии со стороны империализма. Поэтому в настоящий момент самое важное для нас определить наши дальнейшие совместные шаги.

Мне хотелось бы заверить Вас, товарищ Микоян, в нашем полном доверии".

Выслушав это, стало очевидно, что в общем и целом дело идет хорошо, настроение изменилось к лучшему против того, что было вначале.

Однако и в этом выступлении были моменты, которые нельзя было оставить без нового об'яснения. Выразил со своей стороны удовлетворение ходом обсуждения и анализом прошедших событий и сказал, что не о целях продолжения дискуссии о прошлом, а что и внеотложность, должен сделать два замечания.

Первое. Непонятно, откуда взяли товарищи, что Советский Союз давал согласие американцам вывести из Кубы все оружие и всех военных специалистов, будто Советский Союз

в своем конфиденциальном послании Хрущева 26 октября дал согласие на это. Если бы это было так, то американцы за это уцепились бы и было бы об этом сказано в послании Кеннеди, опубликованном в прессе, и в следующем послании Хрущева. Но вы знаете, что и Кеннеди, и Хрущев во всех заявлениях говорили только о так называемом "наступательном" оружии и персонале, его обслуживающем. У вас просто неправильно поняли одну фразу в послании Хрущева от 26 октября, где говорится о выводе советских специалистов. Хрущев имел в виду в этом контексте не всех специалистов, а, как вытекает из всех документов, только тех, которые связаны с "наступательным" оружием. И вы знаете, что не только в этих посланиях, но и сейчас мы придерживаемся позиции, что все оружие у вас остается, кроме обещанного в послании Хрущева к вывозу "наступательного" оружия и персонала, обслуживающего его.

Фидель подтвердил, что это правильно.

Второе. Вопрос Ф.Кастро о том, не могли ли мы вместо указаний о демонтаже стратегических ракет принять другое решение - законный вопрос. Однако, у нас была информация, что нападение на Кубу должно начаться в ближайшие часы: может быть действительно предполагалось нанести в первую очередь удар по позициям стратегических ракет, но вслед за ним последовало бы вторжение на Кубу. Нам пришлось действовать решительно с тем, чтобы сорвать план нападения на Кубу. Мы понимаем, что тем самым пришлось пожертвовать

необходимостью консультаций с кубинским правительством, чтобы спасти Кубу.

Я не считал нужным снова комментировать высказывание Фиделя в частности о том, что доставленное на Кубу оружие имеет своей целью защиту интересов всего лагеря социализма. Этим он подтвердил, что не согласен с моим предыдущим заявлением в ответ на его аналогичное этому заявление, когда я сказал, что это оружие доставлено не от имени и не для лагеря и даже не для Советского Союза. Это сделано только исключительно в интересах обороны самой революционной Кубы, которая имеет международное значение, большое значение для всего лагеря социализма.

Затем я перешел к вопросу о том, что необходимо сотрудничество между Советским Союзом и Кубой, как между двумя социалистическими странами, но в данном случае речь идет о большем. Особенно тесное сотрудничество должно быть между нами ввиду того, что на Кубе находится советское оружие и советский военный персонал. Поэтому наши действия должны быть согласованными. Даже при наличии расхождений во мнениях мы должны достигнуть единства своих действий. Поэтому я предлагаю наметить план совместных согласованных действий, уже не касаясь прошлого. Я хотел бы выслушать какие у кубинских товарищей есть предложения в этом отношении, ибо нам надо действовать совместно. Так и стоит вопрос, потому что нашу победу в области предотвращения военного нападения на Кубу надо закрепить дипломатической победой, проявив необходимое искусство в дипломатии и политике, твердо отстаивая свои главные цели.

Американцы заинтересованы замянуть кубинский кризис.

Мы заинтересованы в скорейшей его ликвидации путем переговоров между заинтересованными сторонами, а затем через Совет Безопасности. Мы заинтересованы в том, чтобы завершить все международным документом, защищающим интересы Кубы и ликвидирующим блокаду и опасную ситуацию в Карибском море.

Большую положительную роль может сыграть и.о. генерального секретаря ООН У Тан, который, видно, сочувственно относится к Кубе. Хорошо бы, если кубинские товарищи помогли У Тану, чтобы он мог располагать достаточными аргументами и данными для заявления в Совете Безопасности, содержание которого было бы примерно следующим: он убедился в том, что "наступательное" оружие демонтировано и вывезено, тем самым созданы условия для ликвидации блокады и нормализации положения.

По части демонтажа У Тан мог бы сослаться на заявление самих американцев о том, что по данным их воздушной разведки, демонтаж закончен и поэтому отпадает необходимость воздушной наземной проверки факта демонтажа. Останется не подтвержденным один факт, за чему могут придаться наши противники, это факт погрузки и вывоза этого оружия на советских пароходах. Я думаю, что мы могли бы разрешить нейтральным представителям У Тана прибыть на пароходе в кубинский порт и даже не высаживаясь на кубинскую территорию проверить на советских судах факт погрузки и отправки этого оружия. Для этого потре-

бывалось бы 3-4 дня и вся работа за это время была бы закончена.

И сказал также, что чем раньше будет исчерпан вопрос о вывозе этого "наступательного" оружия и проверке факта вывоза, тем скорее можно будет ликвидировать карантин и что это в интересах, в первую очередь, Кубы. Советский Союз несет большие убытки, ибо его корабли ожидают в море с грузами для Кубы, и при наличии карантина эти суда не могут идти дальше. Мы не в состоянии больше терпеть такие убытки и нужно принять совместные меры, добиться ликвидации карантина; мое предложение относительно инспекций на судах в портах Кубы может облегчить дело. Мне казалось, что мы пришли к таким итогам, что кубинцы примут это предложение. Товарищ Алексеев, который сидел рядом со мной, на ухо мне оказал, что кубинцы обязательно это примут.

И добавил: прошу сейчас не ствечать на этот поставленный вопрос, мы могли бы прервать беседу и вы могли бы обсудить его без нас, а потом собраться, продолжить работу и выслушать ваше мнение.

Тогда вдруг Фидель, внешне в спокойном тоне, сделал следующее неожиданное заявление:

"Односторонняя инспекция чудовишно сказалась бы на моральном духе нашего народа. Мы пошли на большие уступки. Американские империалисты свободно осуществляют аэрофотосъемку, и мы не препятствуем им это делать по просьбе Советского правительства. Нужно искать какую-то другую формулу. Я хочу сказать товарищу Микояну, и то, что я говорю, отражает решение всего нашего народа: мы не согласимся на инспекцию. Мы не хотим компрометировать советские войска и ставить под угрозу мир во всем мире. Если же наша позиция ставит под угрозу мир во всем мире, то мы сочтем более правильным считать советскую сторону свободной от своих обязательств и будем сопротивляться сами. Будь, что будет. Мы имеем право сами защищать свое достоинство".

Меня не разволновал его отказ допустить инспекцию в портах. Меня потрясла заключительная часть его заявления. Несколько минут все молчали. Я думал: какой оборот делу дать дальше.

Решил не касаться этого потрясающего заявления. Думал, что возможно это непродуманное высказывание или они обсуждали даже такую возможность между собой и у него это вырвалось, выскочило неожиданно. После некоторого раздумья Дортикос сказал, что Фидель отразил общее их мнение. Остальные молчали.

Я сказал, что не понимаю такой острой реакции на мое предложение. Во-первых речь шла не о инспекции (Кубы), воздушной или наземной, о чем мы уже говорили. Речь шла о

проверке на советских судах, стоящих в кубинских водах, а суда считаются территорией того государства, которому они принадлежат. Речь шла о советских судах, значит о советской территории, а не о кубинской. Каково отношение это имеет к ущемлению суверенитета самой Кубы — совершенно не понятно. Наконец, я не имею прямого поручения правительства выставить это предложение. Я это сделал, желая облегчить У Тану поддержку дела Кубы в ООН и с учетом той благоприятной атмосферы, которая сложилась в наших беседах.

Я повторил, что наш Центральный Комитет поручил мне всесторонне разъяснить советскую позицию по всем интересующим кубинских товарищей вопросам, не навязывать свое мнение, и не оказывать на вас нажима, чтобы добиться согласия на инспекцию территории Кубы.

Фидель заметил, а почему бы не устроить эту проверку на судах в нейтральных водах. И сказал, что считаю, что и это, конечно, возможно, но это не имеет отношения к Кубе. Он согласился.

Через несколько часов после этого на встрече с Дортикосом, Гевара и Родригесом, Дортикос заявил: Мы проанализировали последнее предложение товарища Микояна относительно контроля погрузки стратегических ракет на палубы советских кораблей в кубинских портах. Наше мнение таково: принимая во внимание главным образом необходимость высоко держать моральный дух нашего народа и, кроме того, желая недопустить юридических споров в связи с вопросом об экстерриториальности кораблей, мы хотим дать окончательный ответ.

чателный ответ товарищу Микояну. Мы считаем, что принять это предложение невозможно. Мы вынуждены отказаться от этого, поскольку не допускаем в принципе инспекции ни на кубинской территории, ни в воздушном пространстве, ни в наших портах.

Вырвавшееся у Ф. Кастро заявление было неожиданным, что не только нас, но и всех его друзей такая постановка вопроса как бы застала врасплох. Неудобство создавшегося положения, казалось, коснулось и самого Кастро.

На выручку пришел Дортикос, предложивший сделать перерыв в работе. Как же можно объяснить это высказывание Ф. Кастро? У нас сложилось впечатление, что он не собирался этого говорить, но у него это сорвалось.

Кроме того, расположение самого Ф. Кастро к нам и его желание найти с нами общность мнения по сотрудничеству в будущем не давали никаких поводов даже предполагать о зарождении в его голове подобных мыслей. Он ведь признал, и довольно искренне, что снятие ракет с военной точки зрения не ослабляет оборону Кубы и выражал свою заинтересованность в сохранении на Кубе другого нашего мощного оборонительного оружия, проявляя опасения, как бы мы под давлением американцев не вывели с Кубы и некоторые другие виды оружия.

Хочется верить и, вероятнее всего это так и есть, что сказанная Кастро фраза вызвана его мимолетным настроением и желанием показать насколько для кубинской револю-

ции важен вопрос о недопущении какой бы то ни было инспекции, что ради сохранения этого принципа они готовы на все.

Не следует упускать из виду и сложных личных качеств характера Кастро, его обостренного самолюбия. Он, находясь у власти, делал немало необдуманных, вызванных мимолетной впечатлительностью, заявлений, о которых потом сожалел.

Подзуживание американской прессы о том, что Кастро потерял самостоятельность и на Кубе командуют советские люди, несомненно, оказывает на него влияние.

Посольству известно, что Кастро сильно переживает когда он читает сообщения реакционных агентств, где его называют "марионеткой СССР". Особенно американская пресса раздувает вопрос об инспекции, заявляя, что Кастро под нашим нажимом будет вынужден отступить, несмотря на его категорические высказывания о недопустимости никаких форм инспекции.

Кастро, вероятно, считает, что после его столь воинственных заявлений против инспекции, принятия им ее в любой форме будет обозначать его компрометацию, как лидера народов Кубы и Латинской Америки и он начнет терять свой престиж. Не исключено, что Кастро действительно заподозрил нас в том, что мы собираемся оказывать на него нажим в этом вопросе, и он, чтобы раз и навсегда отрезать нам пути к этому, решил на подобное заявление, как бы подчеркивая непоколебимость отстаиваемых им принципов.

Пока, на мой взгляд, не следует делать выводов,

базируясь только на этом высказывании.

Последующим общением с ним можно будет более точно определить его настроения и лучше понять его образ мысли по данному вопросу.

Нельзя не отметить, что вечером, при продолжении беседы с участием Дортигоса, Гевара и Родригеса, Дортигос уже в самом начале беседы сказал, что Фидель Кастро не смог прийти потому, что он плохо себя чувствует. Явно ощущалось, что они хотят предать случившееся забвению, хотят, чтобы мы не принимали всерьез то, что произошло с Фиделем. Нельзя считать случайным, что на следующий день, сегодня 6 ноября, вечером Гевара в полусутоливом тоне заметил: "Мы кубинцы - не албанцы и не потребуем ликвидации ваших военных баз на Кубе". Это было сделано после того, как на их вопрос как быть дальше с известным соглашением о военной помощи, я сказал, что как только преодолеем нынешний кризис в Карибском море, в спокойной обстановке обсудим и, надеюсь, примем по-братски согласованное решение. Все трое подтвердили свое полное согласие.

Кроме того, сегодня в беседе с Алексеевым Родригес сказал, что он только что встречался с Ф. Кастро и рассказал ему о последних, на его взгляд, очень теплых и дружественных беседах со мной, чем Кастро был очень доволен.

Сразу же после этого Родригес высказал сожаление, что произошла неприятная концовка нашей беседы 5 ноября. О мнении Ф. Кастро Родригес ничего не сказал, но тот факт,

518194 19 39
что он сам поднял этот вопрос, говорит за то, что кубинские руководители, очевидно, обсудили создавшееся положение и стараются теперь его исправить.

6. XI. 62. г. А. МИКОНИ

39 экз.:ня, от
отп: 8. XI. 24. 60

Внуширяев
Николаев
Ежов

верно:

